

О ПУШКИНСКИХ СБОРНИКАХ

Становится тяжело, когда читаешь, что пишут о писателе, которого любишь той любовью, в которой уже нет места непониманию. В каждой строчке, которую пишут теперь о Пушкине, слышится полное отсутствие любви... Впрочем, вернее, и в одной строчке ничего не слышится. Если бы слышалось хотя бы непонимание, как слышалось когда-то раньше. Тогда не было равнодушия, а теперь все равнодушны...

Но есть и обратная сторона. Когда вспомнишь, что глубокое равнодушие сопровождало поэта на пройденном им поприще и даже после смерти, что он страдал – как эхо, не имея отклика, каждый раз спрашиваешь себя: что же было бы, если б слава окружила писателя? Не буду подробно говорить, но хочу спросить об одном: прейдет ли когда-нибудь толпа, публика?.. И кажется, что дело писателя есть подвиг, что равнодушие не может и не должно смущать его, как не болезненное, а естественное, прямое условие его призвания. Писатель есть самое сознание народное, его богоносец. Голос народа, а не толпы. Он отвечает и служит народу, а не толпе. Это значит – он не отвечает на временные, теперешние нужды, не приносит прямой, близкой пользы, но служит общей пользе мира, той, которая в разуме вселенской Души, Души, определяемой всем, что мы знаем и видим лучшего и чистейшего в мире и в себе слышим. Эта вселенская душа живет и дышит во всем, что есть “от мира”, в камне неподвижно и неживо, в растении – подвижнее, живее, в человеке – напряженнее всего. Так восходя по ступеням, она в лучших людях прозябает еще напряженнее, пламенно и ярко. Если жизнь человеческая складывается из созерцания и деятельности, то у писателя ведение сердца, природы – есть созерцание, а творчество – деятельность. Он созерцает то же, – но яснее, глубже, шире, так же, – но с большим одушевлением, действует по образу и подобию Бога. Пока люди не будут говорить о мире, как о Божьем, или, как о большом и священном деле, до тех пор они будут заблуждаться, не понимать ничего, что поняли бы...

Когда говорят о Боге, никогда не говорят о литературе, и когда говорят о литературе, не говорят о Боге. Так мы живем во всем. Поэтому – разъединились все, и что связывает всех, понять становится все труднее. Раньше связывала любовь к отечеству. Теперь – не любят своего отечества, по крайней мере в России. В этом только еще не сознались, но чувства уже нет. Связь, издавна скреплявшая сердца людские в союз, порвалась, а новой не родилось. Между тем и не думают, что без этого жить нельзя, что распадается и осуждено на разложение то, в чем нет живой связи. Если бы стали говорить, что люди молятся золотому тельцу, это было бы несправедливо: люди становятся равнодушны и к благосостоянию. Недавно еще желали скрепить распадающиеся в сознании мировые элементы любовью к красоте, тоже давнишней связью, еще эллинской, но толпа или осталась равнодушной, или не удовлетворилась красотой. И действительно, красота – лишь одна сторона предмета, нередко наружная.

В шестидесятые года люди жили любовью к самостоятельной жизни, стремлением улучшить быт, кормить голодных, одевать неодетых. Это была сторона жизни, нужная, необходимая, но никто не поверил, что все дело в том, чтобы быть самостоятельным, улучшить быт, кормить и одевать. И связь не была связью корней, т.е. не из любви и жажды Бога, а во имя справедливости. Сильное сердце любит властвовать, слабое – подчиняться. Так бились сердца и в 60-ые годы, только тогда считали стыдным подчиняться. Справедливость, самостоятельность, насыщение...

Когда в шестидесятые года отрицали Пушкина, то становилось понятно, почему его отрицают: пища была дороже бога. Когда в 40-х годах его оценили, было понятно, потому что тогда люди любили поэзию. Теперь же не только чувство, но всякое отношение к Пушкину непонятно и удивительно. Та толпа, которая рукоплескала и гуляла вокруг памятника, – та же толпа, что говорила речи и приглашала гулять. Всякий, искренно признавшись, не скажет, что он любит Пушкина, потому что вообще теперь не любят поэзии, или давно полюбили вместо поэзии другое, несколько похожее на нее. Есть много доказательств того, что теперешние люди разлюбили поэзию или отвыкли от нее, но едва ли доказательства этого нужны. Большим равнодушием к поэзии отмечено все, что стали в последнее время писать о Пушкине. Становится тяжело...